

Возникновение городищ в Тоболо-Ишимье как один из способов адаптации населения в условиях изменения климата и социально-политической обстановки

ЦЕМБАЛЮК СВЕТЛАНА ИВАНОВНА
Тюменский научный центр СО РАН (Тюмень), Россия
e-mail: svetac80@mail.ru

БЕРЛИНА С. В.

Первые укрепленные поселения в лесостепном Тоболо-Ишимье появляются в эпоху поздней бронзы в XI в. до н.э. Возникновение городищ связывают с природно-климатическими изменениями в кон. II – нач. I тыс. до н.э., получившими название «экологический стресс» [Молодин, 2010]. В результате похолодания и увлажнения тундрово-таёжные территории были затоплены и быстро заболотились, став не пригодными для жизни человека.

Колебания климата повлияли не только на группы, проживающие в тундрово-таежной зоне, но коснулись и коллективов, обитавших в лесостепной полосе. В лесостепи Тоболо-Ишимского междуречья в конце эпохи бронзы также отмечаются обширные подтопления территорий. Это прежде всего отразилось на геоморфологическом расположении археологических памятников. Поселения стали строить на местах с высокими гипсометрическими отметками от 18 до 40 м: на второй-четвертой надпойменной террасе крупных рек, на высоких мысах, останцах и т.п. [Матвеева и др., 2003, с. 149]. В экономике резко возрастает доля присваивающих отраслей: охоты и рыболовства. В остеологических комплексах всё чаще и в большем количестве встречаются кости типичных лесостепных животных: лося, кабана, зайца и лисы [Корочкова и др., 1991, с. 83-84]. Увеличение костей лошади в остеологических комплексах памятников позднего бронзового века свидетельствует об возрастании доли лошади в составе стада домашних животных, что маркирует начало смены типа скотоводства от придомно-пастушечьего к отгонному.

Палинологические данные указывают в пользу небольшого похолодания и увлажнения, приведшего к возрастанию доли лесов и увеличению в них роли сосны и ели. Возможно, климатические изменения в лесостепной зоне не успели повлечь за собой масштабную смену ландшафтов, но реакция человека на них поступила незамедлительно. Она выразилась в миграциях, изменении процентного соотношения отраслей в экономике, смене системы выпаса скота [Матвеева и др., 2003, с. 150].

Таким образом, к началу I тыс. до н.э. в тундрово-таежной зоне сложились такие природно-климатические условия, при которых выжить многочисленным популяциям охотников-собирателей стало невозможно, а скотоводческая лесостепная зона ослабла – в силу экономического кризиса, и, как следствие, начавшегося оттока населения на юг в степную полосу [Зах, 2010, с. 340]. Совокупность данных факторов привела к тому, что с северных таёжных территорий началась миграция вдоль крупных рек: Обь, Иртыш, Тобол, Ишим – на юг в подтаежную и лесостепную зону [Там же]. В. И. Молодин считает, что "по своей мощи и направленности этот

поток может быть вполне сопоставим с известной в истории гуннской экспансией, повлекшей за собой процесс, именуемый "Великим переселением народов"[2010, с. 22].

Первые единичные проникновения таежного населения в лесостепную зону начались в конце II тыс. до н.э., в период сухой и теплой фазы климата. Данный факт подтверждается немногочисленными находками гамаюнской керамики в материалах щетковского этапа бархатовской культуры на поселениях Щетково 2, Ново-Шадрино 7, Пospelово 1 и Красногорском городище [Матвеев, Аношко, 2009, с. 302-303]. Отсутствие отдельных посёлков, относимых к культурам с «крестовой» керамикой, или большого количества керамики с крестово-печатной орнаментацией и специфического таежного инвентаря в материалах позднебронзовых лесостепных поселений не позволяют говорить нам о начале масштабной миграции в последней четверти II тыс. до н.э., а свидетельствуют лишь о первых неустойчивых контактах между таежным и лесостепным населением. Вероятно, первые контакты были обусловлены налаживанием торгово-обменных или брачных связей. Древние общества скотоводов поставляли на север мясомолочную продукцию и цветной металл в обмен на пушнину. К началу первого тыс. до н.э. археологами фиксируется мощнейший «северный вал», вызвавший дисбаланс в лесостепных и степных обществах [Молодин, 2010, с. 23].

Адаптация северных мигрантов проходила двумя путями: первый, как мирная интеграция местного и пришлого населения; второй – в результате военных столкновений [Там же]. На территории лесостепного Тоболо-Ишимья адаптация, вероятнее всего происходила по второму сценарию. Таежные мигранты, в археологических материалах представленные группами, относимыми к кругу культур с «крестовой» керамикой, столкнулись в лесостепной зоне с местным населением. Несмотря на предварительно установленные связи, они встретили здесь сопротивление. По археологическим данным это фиксируется появлением городищ уже в XI в. до н.э., у пахомовского населения, сузгунского и бархатовского в X в. до н.э. Всего на территории Тоболо-Ишимья в финале бронзового века функционировало более 12 городищ. Укрепления поселков были примитивные. Они состояли из рва и изгороди, возведенных на естественно защищённых местах – довольно высоких мысах коренных речных террас (городища Чеганово 3, Усть-Утяк 1, Заводоуковское 11, Коловское, Красногорское и др.) (Зими́на и др., 2005; Кайдалов, Сечко, 2009; Аношко, Агапетова, 2010; Матвеева и др., 2008; Матвеев, Аношко, 2009, с. 62-63). Небольшие размеры рвов и валов указывают на малую вероятность существования труднопреодолимых заграждений. Тем не менее, использование высоких крутых берегов и дополнительное укрепление вала бревенчатой стеной усиливали защиту бархатовских и сузгунских городищ от нападений. Следует отметить, что такие поселения в первую очередь выполняли функцию жилого поселка, затем – оборонительную.

Разный экономический уклад местного населения (производящее хозяйство) и мигрантов (присваивающее хозяйство), позволил таежному населению занять свою экологическую нишу в лесостепи и в дальнейшем мирно сосуществовать с аборигенами. Урегулирование отношений мигрантов и местного населения приводит к стабилизации социально-политической обстановки в регионе, прекращается строительство городищ. Поселения продолжают укрепляться простейшим частоколом или плетнём. Но такое укрепление, вероятнее всего, носило уже не оборонительный, а мировоззренческий характер, по гипотезе О.Ю. Зиминой – с целью сохранения своих культурных традиций внутри фратрии [Зими́на, 2005; Цембалюк, 2009]. Такое «соседское» проживание привело к тому, что в переходное время от бронзо-

вого века к железному в Тоболо-Ишимье начинается смешение местного населения и мигрантов. По археологическим данным это хорошо отражено в керамике городища Усть-Утяк 1, где наряду с бархатовскими и гамаюнскими сосудами зафиксирована смешанная посуда с синкретичными бархатовско-гамаюнскими чертами [Кайдалов, Сечко, 2004, с. 73; 2006, с. 78-80]. Данное взаимодействие привело к формированию гибридной иткульской культуры (восточный вариант). Поселения последней, датируемые VIII-VI вв. до н.э., представляют собой круговые сдвоенные городища, например, Карагай-аул 1, на котором отмечено сосуществование в рамках одного поселения двух традиций. Одна из них является результатом синтеза пришлого гамаюнского и бархатовского населения, другая восходит к местной бархатовской культуре [Зими́на, Зах, 2009, с. 157-166].

Таким образом, в переходное время от эпохи бронзы к раннему железу распространение получают укрепленные поселения восточного варианта иткульской культуры. На сегодня известно более 30 городищ. Расположение их тяготеет к границе между тайгой и лесостепью. Жилища расположены по кругу с внутренней стороны фортификаций. В центре имелась обширная незастроенная площадь. Фортификации внешне слабые – представлены невысоким валом и рвом, округлые по форме. Имеются одиночные площадки и сдвоенные. Площадь от 1000 до 9000 кв. м., редко до 64000 кв. м., Укрепления реконструируются как деревянные заборы, с канавкой-рвом у основания [Зими́на, Зах, 2009, с. 184].

Развитие экономики в раннем железном веке положило начало социальной стратификации в среде лесостепного населения. Значительное увеличение количества крепостей в раннем железном веке связано с адаптацией к социально-политической обстановке в регионе. В это время фиксируется скачок количества укрепленных поселений – более 72 ед.

На территории Зауральской лесостепи в раннем железном веке проживали носители байтовской, гороховской и саргатской культур. При этом количество городищ примерно равное – по 18-25 ед. со слоем, в котором преобладала керамика какой-либо одной культуры, еще около 30 оставило смешанное население, что говорит, на наш взгляд, о контактах и ассимиляции в среде древнего населения [Tsembalyuk et al., 2016]. В этот период четко прослеживается эволюция в устройстве фортификаций.

В начале раннего железного века на территории лесостепного Зауралья проживали носители байтовской культуры. На раннем этапе ее существования строились слабоукрепленные крепости. Поселки обносились заборами-частоколами, установленными на невысокий вал. Ров у основания являлся местом выборки грунта для вала.

В это же время с юга проникает степное население, формируется т.н. саргатская общность. Плотность населения в лесостепи возрастает и вследствие этого возникает фактор социальной напряженности. Мощностъ укреплений городищ байтовцев увеличивается: более мощные валы и рвы, укрепленные поверх деревянными частоколами, заборами. Появляются привратные башни [Цембалюк, Берлина, 2014]. Сохраняются основные элементы конструкции, но в 2-3 раза усиливаются (увеличиваются) параметры [Цембалюк, 2017].

В IV в. до н.э. в саргатско-гороховское время увеличивается площадь укрепленных поселков, появляются оригинальные формы фортификаций: округлые и мысовые городища ограждаются 2-3-4 линиями обороны различной сложности, появляется эшелонированная оборона. Следует отметить, что в раннем железном веке в основном продолжала реализовываться традиционная схема планировки укрепленных поселений: на мысах это были кривые, отсекающие мыс по наиболее экономичной

кривой, фортификации береговых площадок оформлялись либо в форме круга-овала, либо в виде подпрямоугольных площадок, что позволяло увеличивать с одной стороны, жилую площадь, с другой стороны – площадь обстрела с угловых точек. Путем построения новых оборонительных линий за пределами старых шло увеличение жилой площади – как это происходило на мысовых городищах, или путем пристраивания обособленной площадки, что больше характерно для береговых городищ. Сохранение форм фортификаций округлых на террасах, треугольных на мысах, появившихся в эпоху бронзы, было связано как с универсальностью их расположения и обустройства, так и с тем, что многие оборонительные линии возводились на месте старых. Но в раннем железном веке наблюдаем и поиск новых планировочных решений, необычных форм – это выступы в гороховских городищах, различное присоединение или планировка саргатских городищ (Дикая яма, Рафайловское), появление цитаделей (Прыговское городище, Коловское).

На городищах фиксируется эскарпирование склонов, наличие бермы. Фортификации в основном состоят из вал-ров линий различных в плане форм с установленными на валу дерево-земляными укреплениями (Ак-Тау, Коловское, Рафайловское, Дикая Яма и др.) [Хабдулина, 1993, Матвеева, Берлина, Рафикова, 2008, Матвеева, 2005, Берлина, Цембалюк, 2017], для гороховского населения более характерным является установление частокола в ров (Чудаки, Павлиново, Марьино Ущелье, Мало-Казахбаевское и др.) [Среда..., 2009, Берлина, 2012, Берлина, 2014]. Имеющиеся решения (частоколы, плетни) были дополнены стенами в пазово-шиповой технике (заплот), появляются клетки в структуре вала. Возможность строительства высоких валов и глубоких рвов обеспечивалась путем укрепления их деревянными конструкциями – «одеждами» на стенках рва и устройством клеток в структуре вала (гор. Павлиново, Рафайловское, Коловское, Ак-Тау). Из новаций – появление укрепленных привратных башен, сложных входов (Рафайловское, Дикая яма), появляются выступы в оборонительных линиях, интерпретируемые некоторыми исследователями как прообраз бастиона (башни) [Берлина, 2010, с. 16]. Такое многообразие планировочных и технических решений в эпоху раннего железа мы объясняем как поиском оптимальных решений, так и различным социально-политическим статусом поселений [Берлина, Костомаров, Попов, 2013].

Таким образом, на археологических материалах лесостепной зоны Зауралья можно проследить причины зарождения укрепленных поселений и их трансформацию в зависимости от природно-климатических и социально-политических условий в регионе. Многообразие планировочных форм укреплений и вариантов их строения отражает, на наш взгляд, адаптацию населения к меняющимся природным и социальным условиям и поиском оптимальных архитектурных решений.

Список источников и литературы:

Аношко О.М., Агапетова Т.А. Новые данные по пахомовской культуре в Тоболо-Исетье // Андроновский мир. 2010. С. 118-136.

Берлина С.В. Городище гороховской культуры Марьино ущелье IV // Вопросы истории Сибири. Вып. 9. Сборник научных статей памяти В.А. Могильникова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 96-101.

Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Автореф. дисс. . . . канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.

Берлина С.В. Крепости гороховской культуры в системе укреплений эпохи раннего железа западносибирской лесостепи // Человек и Север: Археология, антропология, экология. Материалы Всеросс. конф. Тюмень, 26-30 марта 2012 г. Выпуск 2. С. 88-91.

- Берлина С.В., Костомаров В.М., Попов Н.А. Городища лесного Тоболо-Ишимья в эпоху бронзы-средневековье (опыт классификации и анализа в среде ГИС) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2013, № 3 (22). С. 79-86.
- Берлина С.В., Цембалюк С.И. Городище Дикая Яма эпохи раннего железа в лесостепном Зауралье // V (XXI) Всероссийский археологический съезд сборник научных трудов. 2017. С. 112-113.
- Зах В.А. Общее и частное в культурах лесостепи Западной Сибири переходного от бронзы к раннему времени железа // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археологической конференции. 2010. С. 340-342.
- Зими́на О.Ю. Аналогии кольцевым городищам Тюменского Притоболья в системе памятников с круговой планировкой Урало-Сибирского региона // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. 2005. С. 71-84.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Зими́на О.Ю., Зах В.А., Скочина С.Н., Колмогоров П.А., Галкин В.Т., Аношко О.М. Городище Чеганово 3 в Нижнем Притоболье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 58-72.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А. К вопросу об обороноспособности городища Усть-Утяк-1 // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции. 2009. Вып. 1. С.69-73.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Комплекс поздней бронзы и перехода к раннему железному веку городища Усть-Утяк 1 (по материалам исследований 2002 – 2003 г.) // Этнические взаимодействия на южном Урале: Мат. II регион. науч.-практ. конф. 2004. С. 73-76.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Материалы переходного времени от бронзы к железу городища Усть-Усть 1: (По результатам исследований 2002-2006 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 7. С. 76-84.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Культуры бронзового века предтаёжного Тоболо-Иртышья: (По материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. 1991. С. 70-92.
- Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2009. 416 с.
- Матвеева Н.П. Фортификации саргатской культуры (по материалам Рафайловского городища) // РА М., 2005. № 1. С. 25-35.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 237 с.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Новые памятники бронзового и раннего железного веков. Новосибирск: Наука, 2003. 174 с.
- Молодин В.И. Экологический «стресс» на рубеже II-I тыс. до н.э. и его влияние на этнокультурные и социально-экономические процессы у народов Западной Сибири // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археологической конференции. 2010. С. 22-24.
- Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. (по материалам Павлиновского археологического комплекса) / Л.Н. Корякова, М.И. Дэйр, А.А. Ковригин, С.В. Шаропова, Н.А. Берсенева, С.Е. Пантелеева, Д.И. Ражев, П.Курто, Б. Хэнкс, Е.Г. Ефимова, А.А. Каздым, О.В. Микрюкова, О.А. Сахарова. Екатеринбург-Сургут:Изд-во «Маггелан», 2009. 298 с.

Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 112-143.

Цембалюк С.И. «Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье»: Автореф. дисс. . . . канд. ист. наук. Тюмень, 2017. 20 с.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 10. С. 57-65.

Цембалюк С.И., Берлина С.В. Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65.

Tsembalyuk S, Anoshko O, Berlin S. The origin of urbanization in the forest-steppe zone of Western Siberia// 22nd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 31st August- 4th September 2016 Vilnius–Lithuania, Abstracts of the oral and poster presentations, Vilnius: 2016, p. 75.